

Стихия ветра ощущалась для Сатору несколько необычно: плавучая, неприкасаемая, непостоянная и, когда надо, до безумия резвая. Нестабильная и опасная. Ветер... Сколь бы человек не старался схватить его руками, в мешок, сумку или даже специальной запечатывающей техникой, он никуда не девался. Таковой являлась эта стихия в представлении бывшего шамана. Между тем, из-за такого особенного взгляда на вещи, Годжо было нужно не «покорять» этот элемент, а «подружиться» с ним. Понять его и слить с собой. Такая задача поддалась Сильнейшему намного быстрее, нежели буйная и колючая молния.

После давешних подсказок Шисуи ему, на самом деле, удалось преобразовать собственную обычную чакру в чакру со свойствами стихии ветра в тот же день. Легко и просто. Он был крайне доволен, а Шисуи — впечатлён. Такое скорое понимание родственной стихии могло говорить лишь о том, что Дух Годжо Сатору воистину невероятен! Как если бы Достойный не бился о стену, иллюстрирующую проблему, головой, а тщательно изучал её с твёрдым намерением обойти без каких-либо потерь!

Именно так проявлялась мудрость сильнейшего шамана современности. Пускай он прожил не так уж и много лет, однако это не помешало ему возвыситься над Мирским и Незначительным в битве с Фушигуро Тоджи. Чистое сознание, не скованное ненавистью и предрассудками. Из-за приобретённых взглядов на жизнь Шестиглазый был без проблем готов отказаться даже от укоренившихся в нём предубеждений, а разница в силе после Вознесения никогда не ослепляла его, позволяя Сатору прислушиваться даже к мнению последнего слабака, если оно казалось ему разумным.

Ветряные Лезвия — одна из простейших атакующих техник стихии ветра. Незамысловатая и не слишком опасная для опытных шиноби, она была создана с опорой на главное свойство этого убийственного элемента — резать. Сечь, рубить, расщеплять... Это очень сильно напоминало Сатору Годжо проклятую технику Двуликого.

Зеленоглазый блондин сложил единственную печать одной рукой и махнул ей в сторону пруда, направляя убийственную атаку, способную разрезать быка от морды и до задней части огромной туши, прямо в водную гладь. Правда, что-то подобное его техника могла бы сделать только в том случае, если бы она находилась в момент запуска вплотную к цели... Бесконечность позволяла эффективно решать многие вопросы, которые касались повседневности и сражений. Годжо Сатору всегда очень ценил свою врождённую проклятую технику, гордясь степенью её освоения и оправданно считая себя мастером во владении ею.

Вспарывая тёмно-синюю серебристую поверхность легко и непринуждённо, Ветряное Лезвие прошло, приблизительно, сквозь три метра толщи жидкости и только затем рассеялось среди водных масс. Небольшая волна, поднятая действиями Сильнейшего, смыла и перевернула несколько зелёных кувшинок... Итоговый результат испытаний оставил Достойного весьма удовлетворённым. С самого начала он и вовсе не был уверен в том, что у него выйдет скрестить две его силы, приобретённую и фундаментальную. Однако отклонить «бесконечность» расстояния между целью и техникой, которая формировалась вместе с движением чакры в его теле, оказалось не так уж и сложно, а очень даже обыденно. Подобные трюки в запасе могли когда-нибудь принести практическую пользу.

Некоторое время Годжо с молчаливым интересом на лице изучал и анализировал

собственные результаты в ходе испытания. Так как Учиха на этот раз не был настолько уверен на свой счёт, принимать в нём участие он не стал. Но для Сатору это было не принципиально, ему нужны были лишь первые показатели на реальном человеке с очевидным преимуществом — невероятными глазами, позволявшими предсказывать каждое движение противника! Зная, что электричество распространяется по самому эффективному пути, он таким же образом смог бы, теоретически, предугадать и направления неконтролируемых использующим технику параметров, вроде дополнительных поражающих факторов — бьющие в сторону электрические снопы и колоссальная тепловая энергия... А навыки чтения движений самого бывшего шамана и полного контроля над собственными, полученные благодаря шарингану, должны были позволить полностью избежать какого-либо урона своему обладателю! Но совершенно неожиданной для брюнета переменной оказалась бесконечность, которая смела все его планы своей абсурдной универсальностью.

Достойный повернулся в сторону Шисуи, который, по виду, думал о многом, с периодичностью в каждую минуту поглядывая на старшего товарища по команде. Хотя он и старался не демонстрировать это ярко, но Сатору смог различить в мальчике напряжённость и сомнения. Пожалуй, сам Годжо тоже имел опыт подобных переживаний, пускай он и оставался ничтожно малым... В большинстве своём все эти неурядицы были связаны с его призванием шамана, дурным впечатлением пребывания таковым. Однако никогда в своей жизни Шестиглазый не рефлексировал на тему того, что кто-то его почти убил. Собственно говоря, Убийца Шаманов был действительно близок к этому, но Сильнейший в экстренном порядке исправил подобную несправедливость, отправив крайне нехорошего человека на тот свет с помощью Пурпурного. Рёмен Сукуна... Король Проклятий и тиран в одном лице, которого в эпоху Хэйан когда-то звали Двудиким Божеством, просто-напросто оказался сильнее и хитрее, чем Годжо Сатору. Его мастерство и навыки поражали Шестиглазого раз за разом. И ведь он знал, что это была не его истинная форма, которая давала бы Божественному Деспоту неоспоримое преимущество в противостоянии Территорий и проклятых техник...

Но Достойный исправит это и обязательно назовёт себя Сильнейшим вновь, уже без всяких поправок и указаний на оскорбительную для него «современность». Он заберёт титул сильнейшего шамана за всю историю!

Он так решил.

— Шисуи, чего-то хотел? — Блондин ухмыльнулся и подошёл ближе к поднявшемуся с травы члену клана Учиха. — Говори уже, не стесняйся.

Долгов между ними не было, оба мальчика успели здорово помочь друг другу, но всё же лишний раз закрепить хорошие приятельские отношения лишним не будет. К тому же и у него самого имеется определённая заготовленная просьба для молодого гения великого клана шиноби. Годжо будут нужны сильные и могущественные во всех смыслах соратники! И он обязательно их для себя найдёт.

— Я хотел испытать кое-что, сенпай... — Неуверенно начал немного робеющий Шисуи. — Я усердно тренируюсь в направлении гэндзюцу, и я тоже хочу опробовать новый приём. Могу ли я использовать на вас свою технику внушения?

Гендзюцу — техники не столько иллюзий, сколько внушений. Порой насылаемые шиноби видения были настолько ужасающими и реалистичными, что просто жалким определением «иллюзия» охарактеризовать их было нельзя. Вообще, тренироваться в этом направлении искусства шиноби на товарищах непринято... Но, очевидно, пример Годжо вдохновил мальчишку, и он задумал опустить нормы приличия и правила безопасности.

— Да легко. — Бывший шаман непринуждённо махнул рукой, вскидывая подбородок. — А чего делать-то? В чём смысл твоей новой техники?

— Не совсем техники. — Неловко улыбнувшийся Шисуи уточнил, а затем проинструктировал старшего товарища: — Я активирую шаринган через пять секунд. Избегайте пересечения наших взглядов.

— Воу! — Зеленоглазый удивлённо присвистнул. — Хочешь попробовать использовать гендзюцу без прямого зрительного контакта...? Хорошо.

Недолго думая, паренёк вовсе спрятал свои глазные яблоки за веками, не оставляя бреши для шарингана, но не только — для любых зрительных гендзюцу в принципе. Его мир погрузился в плотную и непроглядную тьму. Будь у него прежние Шесть Глаз, он бы смог наблюдать окружение даже сквозь закрытые веки. Но подобной блажью он теперь не обладал, и ему приходилось к этому привыкать. Всю жизнь иметь столь могущественную и уникальную проклятую технику, которая самым прямым образом влияла на восприятие мира, а затем её потерять — это большой психологический удар. Возможно, не будь Годжо Сатору самим собой, то есть Годжо Сатору, он бы и вовсе сошёл с ума... Но именно для него это оставалось простой неприятной досадой, сродни столкновения лбом с фонарным столбом, но и только. Ничего критичного.

— Ну как, активировал додзюцу, Шисуи? — Задал вопрос Достойный.

Некоторое время ответа не поступало, а затем... Годжо ощутил, как его кожу холодит затхлый и промозглый воздух. Сатору удивлённо приоткрыл рот, силясь понять, как и в какой момент он попался в гендзюцу своего друга. Мысли скакали галопом, и он, больше не видя смысла в закрытых глазах, открыл их и огляделся. Нигде рядом юного члена клана Учиха не было. Мрачные пещерные стены и едва различимое в такой темени подземное озеро. Чакра подчинялась, и из иллюзии Сильнейший мог вырваться хоть сейчас, но ради интереса он присел на корточки и ощупал пол. Собственно, он был каменным, влажным и грязным... Даже на ладони остались грязевые разводы.

— Вот это реализм... — С уважительным шёпотом отметил блондин.

По пространству эхом разлился искренний детский хохот. Задумавшись, бывший шаман и сам весело ухмыльнулся, когда представил, как он сейчас выглядит в объективной реальности с точки зрения Учиха Шисуи. Неудивительно, что тот так рассмеялся. Поднявшись с корточек, Годжо рефлекторно встряхнул «испачканной» рукой, а затем разбил эту иллюзию с помощью одного только волевого усилия, даже без печати и мысленного выкрика. Стихия Инь очень

хорошо давалась ему...

Сатору с немым вопросом посмотрел на довольно улыбающегося ребёнка, а через мгновение выдал своё предположение:

— У этого гендзюцу была звуковая природа, да? Ты зацепился за мой же голос? — Во взгляде и ярком выражении лица Сильнейшего можно было с лёгкостью разглядеть восхищение чужим достижением.

— Многие из изученного мной относятся к тайнам клана Учиха, поэтому всё я рассказать не смогу, но... — Прежняя весёлая улыбка брюнета превратилась в неловкую. — Шаринган позволяет воспользоваться любым «ключом» к сознанию цели, причём даже без прямого и косвенного глазного контакта. При контакте с окружающей средой для каждого живого существа применим конкретный паттерн — оно отвлекается от себя, погружаясь в анализ поступающей информации. Я не дал ответа на ваш вопрос, но вы как раз таки ждали того, что я отвечу, и этого было достаточно, чтобы погрузить вас в иллюзию, сенпай. Любое впечатление о внешней среде, которое привлекает внимание цели, отвлекая её от самой себя, может служить «ключом» для внушения.

— О как. — Сатору почесал щёку, перерабатывая новые знания. В учебниках академии, книгах и буклетиках из библиотеки подобного не было, то есть эти знания не предполагались к получению рядовым генином. — Это звучит, конечно, круто. Слушай, а ведь вести с тобой бой один на один тогда становится невозможно...

— Это не совсем так, сенпай. — Шисуи отрицательно покачал головой. — Для таких наваждений я должен поддерживать глубокую концентрацию. Возможно, когда мой шаринган перейдёт на третью стадию развития, это станет значительно проще, но сейчас... Я сомневаюсь, что смогу повторить такое в настоящем бою без прикрытия. В идеале, мне по-прежнему нужен глазной контакт.

— Это в любом случае очень недурно. Сомневаюсь, что в твоём клане на подобное способен хотя бы каждый третий... — Сатору, ободряюще сверкнув улыбкой, похлопал младшего товарища по плечу. — К тому же, у тебя ещё много времени впереди.

Шисуи, явно довольный этой похвалой от очень сильного сокомандника с действительно страшными способностями, заметно приосанился и просветлел.

— Кстати, у меня тоже будет к тебе одна просьба... — Сатору засунул руки в карманы и задумался, улыбка с его лица пропала, он стал слегка серьезнее. — Среди твоих соклановцев есть нуждающиеся в деньгах люди, которым можно доверить ответственную и деликатную работу?

Учиха слегка нахмурился, погружившись в размышления.

— О каком роде труда идёт речь? — Мальчик задал вопрос.

— Да так... — Годжо выудил из правого кармана свёрнутую бумажку и вложил её в рефлекторно протянутую руку недоумевающего Шисуи. — Там всё написано. Прочитай.

Приподняв брови, юный брюнет развернул записку и принялся за чтение. Под конец он поджал губы, всерьёз озаботившись изложенной в тексте проблемой.

— Да, думаю, я смогу найти подходящего человека. — Шисуи решительного кивнул, в его взгляде блеснуло странного рода уважение.

— Тогда вот. — Блондин мигом залез в свой карман вновь, достав оттуда три толстых пачки из купюр. — Сто пятьдесят тысяч рё... Пятьдесят тебе — за участие, и остальные сто тому, кто возьмётся за работу.

— Сенпай, это дело, предельно, потратит не больше часа моего времени! — Изумлению мальчика не было предела. — Я не возьму столько денег.

— Да ну, я же не обеднел. — Махнув свободной рукой, пренебрежительно ответил зеленоглазый. — Бери! За зря денег не даю, без тебя бы всё стало намного сложнее.

— Л-ладно... — Неуверенно согласившись, Шисуи что-то буркнул себе под нос и взял протянутые ему деньги.

— Вот и хорошо! — Годжо широко заухмылялся. — Как раз тебе будет чем заняться, пока ваш глава проводит своё крайне важное совещание.

Голос бывшего шамана сквозил насмешливой иронией, когда он, сверкнув наглой ухмылкой напоследок, похлопал товарища по плечу и направился на выход с полигона, а затем и с квартала великого клана.

Учиха Шисуи обернулся, задумчивым взглядом провожая удаляющуюся спину сокомандника.

Юный брюнет, переступая через собственную неловкость, постучал в дверь чужого дома. На самом деле он ещё с самых ранних лет проявлял недурственную самостоятельность, потому как позаботиться о нём мог лишь один человек. Мать свою мальчик даже не помнил, она покинула этот мир ещё даже до того момента, когда Шисуи начал осознавать себя. И с ним остался один отец, о котором уже ему нужно было заботиться. Совсем недавно мужчина вернулся с опасного задания без ноги, оставшись инвалидом. Это не делало его совсем беспомощным, но в последнее время главной финансовой опорой их семьи из двух человек был

именно шестилетний ребёнок, заполучивший протектор и ставший генином.

Дверь открылась, на пороге показалась женщина средних лет с утомлённым выражением лица. Короткие, по плечи, волосы цвета корицы, тёмно-карие глаза, незначительные морщинки... Чёрная футболка с короткими рукавами, высоким воротом, а также свободные чёрные штаны и босые ступни ног, которыми она свободно перемещалась по своему дому — вот и весь её домашний наряд. Она явно не ожидала гостей. Этой представительнице клана Учиха не было и сорока полных лет, женщина выглядела очень молодо.

— Маленький Шисуи! — Удивлённо воскликнула она, признав посетителя. — Ты что-то хотел?

— Госпожа Нана, прошу прощения за это вторжение! — Ребёнок глубоко поклонился почти сразу же, как пересёкся взглядами с хозяйкой дома. — Я пришёл к вам по делу. Могу ли я войти в ваше жилище?

Его взгляд стал серьёзней, он собрался, как мог, преодолевая робость с должной отвагой, и вытянулся по струнке, как привык делать это при общении с любым взрослым из своего клана.

— Такой воспитанный малыш... — Женщина улыбнулась с явным одобрением. — В наше время молодёжь начала отбиваться от рук, а ты же столь порядочен... Конечно, проходи, маленький Шисуи!

Учиха Нана освободила проход, зайдя за угол. Слегка заалев щеками из-за подобных комплиментов от дамы средних лет, Шисуи с некоторой сохраняющейся в его сердце неуверенностью сделал несколько шагов внутрь. Дверь за ним захлопнулась, а мальчик начал невольно изучать помещение из собственного любопытства... Собственно, ничего изумительного здесь не имелось. Все скромные убранства соответствовали статусу одинокой женщины из клана Учиха, которая не являлась шиноби и работала продавщицей в местном магазине.

— Будешь ли ты чаю, маленький Шисуи? — Спросила она. — Кажется, у меня ещё осталось несколько лимонных пирожных со вчера, они мне так нравятся...

Женщина, казалось, добродушием прямо-таки лучилась. С её лица не сходила тёплая гостеприимная улыбка, в её походке и манерах поведения вовсе отсутствовало напряжение, так что всё это не было жестом вежливости. Учиха Нана в своём клане прослыла мягким нравом, добрым сердцем и миролюбивым характером. Ей легко было заводить дружбу или приятельские отношения даже с самыми хмурыми и серьёзными соклановцами.

— Д-да, конечно, госпожа Нана... — Слегка запнувшись, растеряно пролепетал под её напором мальчик и кивнул. — Не откажусь от предложенного вами.

Смирно сидящий и ожидающий чая ребёнок даже и не смел что-либо пытаться обсудить, пока женщина порхала на кухне, подготавливая деревянные чашечки без ручек и ставя заполненный за полминуты сырой холодной водой чайник на вспыхнувшую синими языками пламени конфорку газовой плиты. Живая энергия и энтузиазм, с которыми Учиха Нана развела подобную бурную деятельность, впечатлили мальчика, неискушённого опытом наблюдения за твёрдой хозяйственной рукой, что смогла бы навести в жилище строгий порядок... В его и отца доме, например, царил определённый беспорядок. Некритичный, но и ничего хорошего в нём, разумеется, не имелось.

Наконец, подготовив всё, женщина ювелирными движениями расставила сервиз на низкий столик и, наклонившись, тонкой струёй, придерживая верхушку специального чайничка для заварки одноимённых напитков, наливала нежно-золотистую, почти что бирюзовую, жидкость в сосуды. Чай не плескался, а сам поток и не был вовсе похож на таковой, будто это совсем не жидкость, а слишком уж толстая нить из цветного стекла... Такое зрелище представилось юному брүнету очень завораживающим, он оценил его по достоинству. На середину столика легла тарелка с шестью небольшими пирожными.

— Прошу, маленький Шисуи... — Ласково сказала женщина, занимая своё место с противоположной стороны низкого стола. — Я старалась, наслаждайся!

— Благодарю вас, госпожа Нана. — Ребёнок учтиво склонил голову, взял чашку с напитком, источающим пар, своими двумя небольшими руками и распробовал его осторожно, удовлетворяя взор хозяйки дома. — Очень вкусный, мягкий и одновременно насыщенный чай. Ваши навыки воистину невероятны.

— Спасибо-спасибо! — Довольно пролепетала женщина, одновременно подхватывая с тарелки пирожное и принимаясь уже за собственную чашку. — Давно ко мне не заходили в гости... И всё же, маленький Шисуи, для чего именно ты посетил меня?

— Ох, это... — Смотря на Нану, которая со счастливым лицом пережёвывала мгновение назад надкушенное пирожное, талантливый Учиха подбирал подходящие слова. — Одному моему другу нужна... Помощь, наверное.

— Какого рода помощь, маленький Шисуи? — Вскинув бровь, женщина сделала глоток своего чая и довольно зажмурилась. — Ну же, не томи!

— Он мой товарищ по команде, и он опасается, что совсем скоро нас начнут посылать на затяжные миссии. — Медленно и не особо уверенно начал объяснять брүнет. — Моего друга зовут Сатору, и он пообещал приютившему его человеку, что будет ухаживать за могилой близкого родственника этого человека. Сатору думает, что у него может не остаться на это времени, а потому он попросил меня помочь найти кого-нибудь, кто сможет это делать за него. И вот, если вы согласитесь...

Ребёнок положил опустошённую им чашку на стол и полез рукой в карман, доставая под посерьезневшим взглядом женщины большую пачку денег. Он положил её на стол.

— Здесь сто пятьдесят тысяч рё, это за год работы. — Приобретя некоторую решимость, он оповестил внимательно слушающую его отповедь Учиха Нану. — Приводить в надлежащий вид памятник и могилу Симидзу Такуи раз в месяц, больше мой друг ни о чём не просил.

— Вот как... — В тёмно-карих глазах блеснула непонятная Шисуи эмоция.

Конечно, Учиха Нана догадывалась о какого рода «затяжных миссиях» шла речь. Во время второй мировой войны, целых пятнадцать лет назад, женщина потеряла своего мужа... Обручившись в ту пору лишь недавно, молодая пара даже не успела зачать ребёнка. Она осталась одинока, не решаясь заводить новые отношения с кем-либо.

Учиха Нана проклинала войны.

— У тебя сейчас такие напористые глаза, маленький Шисуи... — Усмехнувшись с тихой печалью, негромко произнесла она. — С таким взглядом предложенное обратно не забирают... Я не хочу брать эти деньги, но просьбой твоего друга обязательно займусь. И захоронение найду сама.

— Эти деньги вам нужны, госпожа Нана. — Достаточно строго, насколько это позволял его возраст, сказал юный гений. — Для меня они несут ценность небольшую, а для вас — великую.

— Возможно, ты прав...

Грустная улыбка не сходила с её лица.

Почти сразу же на выходе из чужого дома Шисуи случайно пересёкся с тем, кто его как раз и искал. Офицер военной полиции Скрытого Листа провёл младшего соклановца через улицы квартала, проводив того к памятному для мальчишки зданию, которое тот посещал немногим больше часа назад. Взрослый шиноби повелел генину пройти за ним в помещение, где располагался кабинет капитана военной полиции. А затем, как только они вошли внутрь, ниндзя поклонился Учиха Фугаку и тут же отбыл по своим дальнейшим поручениям.

Глава великого клана, известного своей многовековой историей, почти и не соответствовал тому титулу, который он занимал... По крайней мере внешне. Совсем ещё молодой, лишь недавно заступивший за рубеж двух прожитых десятилетий, произвести впечатление Фугаку тем не менее был способен. Его собранный серьёзный вид и та сила, которую, казалось, он источал лишь одним фактом своего присутствия, без прямого намерения напугать или впечатлить гостей своего кабинета, внушало неподготовленным людям трепет...

Шисуи даже не посмел посмотреть в глаза этого человека и тут же припал на одно колено, опустив голову, тем самым выражая безмерное почтение главе клана, в котором вырос и

провёл почти всю свою недолгую сознательную жизнь. В его разуме не было и мимолётной идеи о том, чтобы выразить неуважение, и всем, чем до сих пор оставались заполнены его мысли на данный момент, были эмоции: восхищение, энтузиазм, волнение. Его сердце билось очень часто, Шисуи с покорностью ожидал решения Учиха Фугаку касательно своих проблем с Шимура Данзо.

— П-приветствую Вас, почтеннейший глава! — Высокий детский голос мальчика звучал сбивчиво и рассеянно.

Учиха Фугаку, не меняясь в выражении лица, сложил руки на груди и прикрыл глаза, поджав губы. Он часто делал так, когда о чём-то размышлял, это была его привычка. После окончания собрания по рабочим делам подчинённый капитана военной полиции сообщил своему начальнику об опасной неприятности для Шисуи в виде третьего старейшины Конохи, который покусился на единственного, на данный момент, выдающегося гения великого клана. Подобное представлялось ему неприемлемой наглостью.

Молодой человек заступил на должность лидера клана лишь совсем недавно, менее двух лет назад, в его сердце до сих пор пылала жажда навести здесь свои порядки, а внешний мир — заставить уважать и опасаться Учиха ещё больше, чем прежде... Учиха Микото нивелировала пылкие и слишком опасные амбиции своего мужа с помощью мягкости и доброты. Именно эти черты возлюбленной им жены заставляли юное сердце биться чаще. И он уступал, признавая правоту своей женщины в том, что совершать резкие и радикальные шаги было бы опрометчиво...

— Шисуи, ты принял верное решение. И твой товарищ тоже. Я разберусь с этой проблемой лично. Вы молодцы. — Большими тёмными глазами пронзая небольшой силуэт мальчишки, буквально чувствующего это пристальное внимание на себе, капитан военной полиции заговорил. — Теперь подними голову и расскажи мне, насколько ты продвинулся на своём пути шиноби.

Складки под глазами Фугаку делали его и так острый взор куда более суровым.

Сглотнув слюну, ребёнок всё же последовал приказу главы и встретился взглядами с ним, собираясь с мыслями.

— Я научился применять гендзюцу шарингана не только лишь с помощью зрительного контакта, господин Фугаку.

— Вот как... — Веки капитана военной полиции слегка расширились, но голосом своё удивление он не показал. — Продолжай. Расскажи мне, как продвигается твоя работа над техникой Телесного Мерцания.

— Я пробую научиться ориентироваться в пространстве во время применения Телесного Мерцания, но это получается с трудом, в задачу приходится вкладывать слишком много умственных усилий, господин Фугаку. — Настроившись на нужный лад, Шисуи всё-таки

пришёл в себя и успокоился. — Как вы и предполагали при первой оценке моей задумки, она имеет невероятный потенциал! Но я сомневаюсь, что смогу продвинуться дальше без финальной стадии развития шарингана. Тоже самое касается и гендзюцу без глазного контакта.

— В таком случае тебе необходимо столкнуться с большими трудностями. — Вновь прикрыв глаза, дал свой ответ глава Учиха. — Потому как шаринган эволюционирует лишь в экстремальных условиях, когда нам необходима сила величественнее той, которую мы держим уже сейчас.

— Да, господин Фугаку...

— Я подготовлю почву для перехода твоих глаз на следующую ступень, Шисуи! — Резко распахнув веки, с сухой решимостью произнёс эти слова сильнейший член клана Учиха. — Я не буду предупреждать тебя заранее, потому сохраняй постоянную сосредоточенность.

— Есть!

Мальчик позволил себе осторожную улыбку, уже предвкушая тот момент, в который он сможет постичь всю силу собственного кланового наследства!

— Корень и возглавляющий это подразделение АНБУ человек враждебен клану Учиха. — В голосе главы великого клана можно было, с должными усилиями, различить клокочущий гнев. — Господин хокаге, сама мысль о том, чтобы любой член моего клана перешёл под командование Шимура Данзо, просто преступна!

Пускай внешне этот мужчина и выглядел спокойно, но в его сердце бушевало самое настоящее ненастье. Он был в ярости. Клан Учиха, потерявший множество сильной крови за последние сорок лет, не так уж и часто получал новый свет надежды... Учиха Шисуи в будущем мог быть способен укрепить позиции их клана, дать толчок к дальнейшему росту фамилии! Воскрешение былого величия, оставшегося в прошлом... Об этом грезил каждый Учиха. Однако наглый и презренный ненавистник их клана, ученик такого же негодяя, презревшего носителей одного из трёх великих додзюцу, осмелился протянуть свою руку к Учиха Шисуи.

Это абсолютно непростительно!

Хирузен Сарутоби выглядел уверенно и собрано, но на самом деле ему едва удавалось подавлять собственное негодование. Тихое, не яростное, а спокойное... Обычный тяжёлый вздох. Шимура Данзо ещё с давних пор впутывал своего друга детства в различные неприятности, которые не всегда заканчивались хорошо. Мрачный и жестокий, по задумке Сендзю Тобирамы он являлся тем человеком, что мог бы стать тенью светлого, мягкого и порядочного Хирузена.

Собственно, он и стал.

Возглавив лично созданный им АНБУ Корень, Данзо окунулся в такие мрак и бездну, в которые сам Третий бы даже и смотреть побоялся. Мягкий и добросердечный Сарутоби был способен убивать, он умел делать это без жалости, но он мог делать подобное лишь с врагами. А Шимура не только с ними, да и убийствами он не ограничивался... Третий старейшина Листа не пренебрежёт никакой грязью, если посчитает, что она способна принести пользу селению. Похищения, тайные миссии, опыты на людях, живых и мёртвых, геноцид и даже больше — всем этим Данзо уже занимался.

Но третий хокаге предпочитал закрывать на всё это глаза, признавая точку зрения учителя, который был уверен, что без подобной циничной жестокости Конохе не устоять. Порой жертвы необходимы. К тому же, Шимура Данзо являлся другом детства Сарутоби Хирузена...

Другом...

— Я улажу это недоразумение, господин Фугаку. — Голос мужчины средних лет отзвенел сталью. — И я подберу подходящего наставника для одиннадцатой команды, об этом вам тоже беспокоиться не нужно.

— Я рад, что нам удалось найти общий язык, господин хокаге. — По-прежнему излучая недоброжелательность, чёрство ответил Учиха Фугаку. — Никакие внутренние конфликты не должны мешать процветанию Листа.

— Я определённо с вами согласен, господин Фугаку...

Хмурым и задумчивым взором Профессор Шиноби провожал главу клана Учиха, который уже развернулся и направился на выход из кабинета лидера селения.

— Ну и ну... — Годжо Сатору изумлённо вскинул брови, смотря на нового сенсея одиннадцатой команды.

Учиха Шисуи посерьёзней, незначительно побледнев, и даже Ю Фукутора не удержался от того, чтобы сглотнуть ком, неожиданно вставший в горле при виде этого человека.

Или не человека...

Бледный и с острыми чертами лица, а также вкупе со своими аномальными желтовато-зелёными глазами с вытянутыми зрачками, Орочимару походил на змея, притаившегося в человеческой оболочке. Жуткая ухмылка на серых устах не внушала абсолютно никакого

доверия.

Великий Белый Змей подобрался к своей цели предельно близко!

<http://tl.rulate.ru/book/100919/3823317>